

Он поспешил выпустить Систему из тёмной комнаты.

То ли её напугало заключение и необходимость поразмыслить над своим поведением, то ли что ещё, но, выбравшись из тёмной комнаты, Система вела себя на редкость тихо. Даже тон, с которым она обращалась к нему, стал куда вежливее, лишившись прежнего высокомерия и властных ноток.

Система мысленно отвечала: Благодарю за приглашение, я провела всю ночь в тёмной комнате, наблюдая за дикими колебаниями печати в духовном море Лу Гуйюаня, и едва не решила, что печать вот-вот рухнет. Меня столько раз напугало до полного зависания!

Правда, тогда она поспешила отправить весточку Главному Богу, доложив о ситуации с Лу Гуйюанем.

Вот только она не знала, что отправленное ею сообщение перехватил Небесный Путь.

Скинув весть Главному Богу и проверив печати в духовном море Лу Гуйюаня, Система убедилась, что всё в порядке и признаков разрушения пока нет, после чего смогла наконец перевести дух.

Но вслед за этим её посетила мысль: раз какой-то ничтожный абориген способен вызывать у Лу Гуйюаня столь бурную реакцию, оставлять его в живых точно нельзя, тем более нельзя позволять им и дальше оставаться вместе.

Однако сейчас Лу Гуйюань так сильно к нему привязан, что избавиться от парня напрямую пока не получится. Сперва нужно найти способ вбить клин между ними и заставить Лу Гуйюаня держаться от этого человека подальше.

Лу Гуйюань тяжело вздохнул и спросил Систему:

— Система, скажи, смогу ли я после выполнения задания забрать Ли Хуаймина с собой в Пространство Главного Бога?

— Нельзя. — Система ответила с железной решимостью. Даже если бы и было можно, всё равно пришлось бы сказать «нельзя». Этот человек влияет на Лу Гуйюаня слишком сильно, и это далеко превзошло все их ожидания. Если позволить ему и дальше оставаться рядом с Лу Гуйюанем, разве не станет ещё хуже?

— А если я буду стоять на своём? — поинтересовался Лу Гуйюань.

— Он всего лишь простой смертный, лишённый каких-либо особых способностей. Попадание в Пространство Главного Бога вряд ли пойдёт ему на пользу, в конце концов это лишь погубит его. Прошу хозяина тщательно всё обдумать.

— Ладно, тогда я пойду на уступки. Могу ли я после выполнения задания инсценировать собственную смерть, остаться с ним в этом мире под вымышленным именем и прожить вместе всю его жизнь?

Система пару раз моргнула и безапелляционно заявила:

— Невозможно. Как только задание будет выполнено, Юй Сюань станет мертвецом, а вы немедленно покинете это место и вернётесь в Пространство Главного Бога. У вас не будет возможности вернуться в этот мир, а если вы и вернётесь, то уже не в это время — возможно,

спустя столетия или тысячелетия.

Сейчас влияние Ли Хуаймина на него было слишком велико, и лишь из-за короткого замыкания в программах она едва не ляпнула, что это допустимо.

Лу Гуйюань предвидел такой ответ, но всё равно жутко расстроился.

Он действительно искренне любил Ли Хуаймина и хотел провести с ним всю жизнь. К Сюй Чжиюю он ничего не испытывал, просто сюжет задания требовал, чтобы в конце он возвёл Сюй Чжиюя в ранги императрицы, так что у него самого не было никаких моральных терзаний.

Но стоило ему представить, как сильно опечалится и пострадает Ли Хуаймин, как в груди начинало саднить. Он думал и о том, чтобы бросить задание, но ведь его родной старший брат, спасший его ценой собственной жизни, всё ещё ждал, пока он вернётся и спасёт его.

Не мог же он и вправду оказаться настолько бессовестным, чтобы преспокойно крутить роман и смотреть, как умирает родной брат?

Эх, семейные узы и любовь трудно совместить, придётся сквозь слёзы отказаться от Ли Хуаймина. По крайней мере, без него Ли Хуаймин сможет жить дальше, а возможно, даже найдёт кого-то лучше него — того, кто будет любить его всей душой, защищать, лелеять и останется рядом до седины...

Тьфу, нельзя об этом думать! Чем дальше в лес, тем сильнее болит сердце, уже дышать нечем!

Следующие несколько раз Лу Гуйюань избегал Ли Хуаймина. Раз уж было решено, что он непременно уйдёт, нельзя давать Ли Хуаймину ложную надежду, дабы не ранить его ещё сильнее в будущем.

На беду, Ли Хуаймин знал его как облупленного и мог выследить где угодно. К тому же слухи о том, как Император благоволит Ли Хуаймину, разнеслись по всему дворцу и за его пределами, так что все вокруг старались угодить Ли Хуаймину, и никто не смел преграждать ему путь, куда бы он ни направился.

Многие подлизывались и сами, по собственной воле, докладывали Ли Хуаймину обо всех передвижениях Лу Гуйюаня.

Не имея выбора, Лу Гуйюань решил дни напролёт либо проводить утренние посиделки с чиновниками, либо с головой уходить в работу в кабинете, усердно подписывая меморандумы. Ведь только тогда, когда он занимался делом, Ли Хуаймин не донимал его, а тихо и безвредно растирал тушь неподалёку или читал книги.

Узнав об этом, придворные сановники прослезились от радости, решив, что Чжуаньюань проявил невероятные способности и сумел заставить тирана исправиться, встав на путь усердного управления государством. Если так пойдет и дальше, то превращение тирана в мудрого правителя не заставит себя ждать.

А Ли Хуаймин, обнаружив, что Лу Гуйюань использует утренние доклады и разбор бумаг, чтобы спрятаться от него, разозлился ещё сильнее.

Последствием его гнева стало то, что он начисто забыл о стыде. Днём, когда ты занят государственными делами, я поделаться ничего не могу, но ночью тебе уже не сбежать.

В результате все дворцовые служащие, евнухи и стражники Дворца Цзывэй могли наблюдать, как Ли Хуаймин каждую ночь силой прорывается в императорские покои, пытаясь взять Императора измором.

Лу Гуйюаню приходилось несладко: каждую ночь ему стоило невероятных усилий защищать свою девичью честь... то есть чистоту.

В конце концов, повозившись пол ночи, он неизменно оказывался прижат к постели в качестве живой подушки для объятий, с замиранием сердца проводя без сна всю ночь напролёт. Но при этом, обладая воровским желанием, но не имея воровской смелости, он таращил глаза в потолок до самой пятой стражи, после чего в спешке вскакивал, чтобы успеть на утренний доклад. Там он валился на драконий трон, а ссоры сановников служили ему колыбельной, помогая доспать своё.

Министры косились на это со смешанными чувствами, но, вспомнив, что Император теперь не только исправно ходит на доклады, но и ежедневно разбирает государственные дела, сочли это огромным прогрессом. Не нужно спешить, большой кусок за один присест не проглотить.

По крайней мере, Император больше не был столь свиреп, чтобы по пустякам лишать чиновников должностей и рубить им головы, и перестал срывать злость на слугах — а это был поистине великолепный сдвиг.

Системе в эти дни тоже пришлось несладко: стоило Ли Хуаймину заявиться вечером, как духовная сила Лу Гуйюаня приходила в сильнейшее возбуждение, и как бы она ни брыкалась и ни протестовала, ей всё равно не удавалось избежать участи быть заточённой в тёмную комнату.

А затем ей приходилось с замиранием сердца наблюдать в этой темноте за бушующими волнами в духовном море Лу Гуйюаня, снова и снова переживая зависания от страха.

То ли от частых испугов, то ли от чего ещё, но сейчас она чувствовала себя заметно ослабленной.

Зато Небесный Путь пребывало в прекрасном расположении духа. Несколько дней подряд тайком поглощая энергию этого мелкого отродья — Системы, оно заметило, как его некогда призрачное, готовое рассеяться в любой момент тело стало куда более плотным и осязаемым.

Как же умно поступил Ли Хуаймин — у него вечно находились способы создать для него подходящие возможности. Если всё пойдёт так и дальше, оно рано или поздно высосет эту мерзкую Систему досуха.

Выслушав его советы, Ли Хуаймин стал ещё настойчивее увиваться за Лу Гуйюанем.

Так что вечерняя погоня Ли Хуаймина за Лу Гуйюанем превратилась в уникальную достопримечательность императорского дворца, за которой с удовольствием наблюдали слуги и стражники.

Слуги и стражники шептались: Суметь загнать Императора, как дворовую собаку, — до чего же хорош наш Чжуаньюань! В этот день, сразу после утреннего доклада при дворе, Лу Гуйюань вновь собрался было стремительно вернуться в кабинет во Дворце Цзывэй, как Система наконец не выдержала и подала голос:

— Сдаётся мне, хозяин, ты забыл, что тебе еще нужно выполнять задания, собирать энергию и

возвращаться, чтобы спасти Главного Бога — твоего родного старшего брата?

Тон прозвучал до того обиженно, будто брошенная наложница, сосланная в Холодный дворец.

— Ах это... Ты же знаешь мою голову, не пойму, что с ней не так — вечно всё забываю. А тут ещё эти дни выдались хлопотные, вот впопыхах и вылетело из головы. И вообще, раньше ты ведь куда настойчивее меня подгонял? Чего это ты в последние дни молчал? — Лу Гуйюань затанул песню с открытыми глазами и при этом попытался переложить вину на другого.

Система решила, что у Лу Гуйюаня возникли проблемы с печатью в море духов, из-за чего пострадала и память, поэтому он и забыл про задания. От этой мысли она тут же ужасно смутилась и не посмела больше цепляться к нему.

Что же до упрёков Лу Гуйюаня, то отвечать на них она тем более не смела. Разве ей было с руки говорить, что пока они вдвоём ночи напролёт страстно миловались, она в своей тёмной комнатке тряслась от страха? Лу Гуйюань так яростно и бурно колебал своё духовное море, что, казалось, печать вот-вот рухнет, и Систему из-за этого несколько раз выбрасывало в аварийную перезагрузку. Напуганная до полусмерти ночью, днём она сидела тише воды ниже травы и ждала ответа от Главного Бога.

Однако прошло столько дней, а Главный Бог так ничего и не ответил. Система чувствовала, что больше ждать нельзя: Ли Хуаймин слишком сильно влиял на Лу Гуйюаня, и никак нельзя было позволить им продолжать в том же духе.

— Хозяин, ты должен понимать: ты всего лишь странник в этом мире. Как только задание будет выполнено, тебе придётся покинуть здешние места. Дальнейшие запутанные отношения с Ли Хуаймином ни к чему хорошему ни для тебя, ни для него не приведут.

Разве сам Лу Гуйюань этого не понимал?

Но стоило ему твёрдо решить держаться от Ли Хуаймина подальше, как тотявлялся с грозным видом и принимался допрашивать его — и Лу Гуйюань тут же пасовал.

Система продолжала подливать масла в огонь:

— Чем дольше тянешь, тем сильнее будет боль. Лучше разрубить гордиев узел разом! Посмотри на себя: тебя столько дней заставляли заниматься государственными делами, если так пойдёт и дальше, твой образ распутного императора окончательно рухнет. Крушение амплуа означает провал задания, и тогда тебя немедленно депортируют в Пространство Главного Бога, разлучив с ним навеки.

Эти слова задели самую болезненную точку Лу Гуйюаня. Стоило ему представить, что из-за провала задания его мгновенно отправят обратно в Пространство Главного Бога и он будет вынужден навеки расстаться с Ли Хуаймином, как сердце сжалось от боли, словно от ножевых ран.

Наконец он принял решение. Больше не спеша в кабинет, он вернулся в свои покои, рухнул на мягкую тахту и раскинулся подобно солёной рыбе, приказав служанкам и евнухам подносить

прямо к его губам изысканные и вкусные сладости с Императорской кухни, а также свежие фрукты, привезённые в качестве дани со всех уголков страны.

Две хорошенькие молоденькие служанки принялись разминать ему плечи и ноги — как же блаженно! Вот это и подобало делать никчёмному, распутному императору.

Подумав немного, он решил, что этого мало, и приказал Цянь Бао немедленно отыскать ещё несколько писанных красавиц из числа служанок и евнухов себе на услужение.

Когда явился Ли Хуаймин, перед его взором предстал Лу Гуйюань, окружённый толпой весьма милостивых служанок и евнухов. Какая-то служанка, кокетливо вихляя бёдрами, поднесла к его губам бокал с вином, а тот с невероятным наслаждением валялся в позе дохлой рыбы.

Ли Хуаймин тут же опасно прищурил свои фениксовы глаза и с неприязненным, едким подтекстом произнёс:

— И чего это я ждал тебя в кабинете? Оказывается, ты тут наслаждаешься обществом красавиц!

Стоило Лу Гуйюаню увидеть этот взгляд, как он по одному лишь выражению лица понял: назревает буря. Условный рефлекс подсказал ему немедленно сдать назад.

Система: — Держись, не пасуй, наступай смело! Долгая боль хуже короткой, разрубить узел разом — значит причинить наименьший вред!

— ...

Лу Гуйюань мысленно подбодрил себя и, наконец собравшись с духом, единым махом с пинка опрокинул низкий столик. Служанки и евнухи, втянув головы в плечи, попадали ниц, а он разъяренно заорал:

— Это разве подобающее для подданного отношение к императору? Стоит мне немного с тобой поиграть, как ты, пользуясь моим благоволением, наглец, забрался мне на голову! У тебя вообще остался в глазах я, император?!

Закончив этот спектакль, снаружи он выглядел невозмутимым до предела, но в душе жутко трепетал, ожидая реакции Ли Хуаймина.

Лицо Ли Хуаймина помрачнело, но Небесный Путь тут же поспешил его успокоить:

— Остынь, остынь, я всё слышал! Это всё та мелкая пакостница — Система — опять науськивает.

Украдкой ворую энергию столько дней, он наконец-то добился хоть какого-то толка и теперь мог подслушивать разговоры Системы и Лу Гуйюаня на близком расстоянии.

Поняв, что Лу Гуйюань не желал этого по собственной воле, Ли Хуаймин смягчился в лице и

даже ласково проворковал:

— Я виновен, проявил неуважение к Вашему Величеству. Но раз уж Ваше Величество выпустили пар, не пора ли отправиться в кабинет и заняться государственными делами? А если Ваше Величество не хочет идти туда, может, я составлю вам компанию и мы поиграем во что-нибудь интересное?

Последние три слова — во что-нибудь интересное — прозвучали со скрытым подтекстом, от которого у Лу Гуйюаня заиграли гормоны и он едва не растерял весь свой гневный антураж.

Система изо всех сил подначивала:

— Давай же, ты сможешь! Подумай о вашем беспросветном будущем! Неужели ты хочешь спустя три года увидеть, как он будет убиваться от горя из-за твоего ухода?

Лу Гуйюань вспомнил слова Ли Хуаймина о том, что тяжелее всего приходится тем, кого оставляют позади. Он тут же стиснул зубы, ожесточил сердце и рявкнул:

— Дерзость! Сдается мне, в твоих глазах я и впрямь не император! Эй, стража! Чжуаньюань проявил ко мне неуважение, взять его... взять...

Он запнулся, соображая, какое же наказание назначить.

Назначить мягкое — не получится заставить Ли Хуаймина разочароваться, а назначить суровое — собственное сердце заноет.

Из-за этих колебаний выражение его лица стало ещё более напряжённым.

Все придворные в тронном зале и вошедшие по приказу стражники затаили дыхание, в напряжении ожидая окончательного приговора государя. В душе они невольно сочувствовали Ли Хуаймину: сколь бы блистательной ни была твоя красота, в конце концов перед беспощадностью самодержца ты бессилен, ведь служить императору — всё равно что жить рядом с тигром.

Как жаль такую несравненную красоту! Похоже, ей суждено увянуть и сгинуть в глубинах этого дворца.

Система: — Сначала выбить по пятьдесят пощёчин, потом всыпать пятьдесят палок, чтобы он понял: ты не из тех, кто очарован его красотой и позволит ему творить всё, что вздумается! Нужно заставить его бояться тебя, только тогда он окончательно разочаруется и оставит тебя в покое. И ещё запри его в темнице, чтобы у него больше не было шанса мешать тебе двигаться по сюжету!

Лу Гуйюань: — ... — его лицо постепенно исказилось от ужаса.

Небесный Путь пришёл в ярость и разразился руганью:

— Ах ты собачье семя! Сеешь раздор, чтоб тебя молния поразила! Вот восстановлюсь —

непременно превращу тебя в пепел от небесного грома!

Под всеобщими взглядами Лу Гуйюань глубоко вздохнул, его лицо исказилось от предельного напряжения, и наконец он изрёк окончательный вердикт:

— Запереть его в кабинете, пока не пересмотрит все доклады! Без моего позволения не смей выходить!

Система:

Служанки, евнухи, стража:

И это всё? И это всё?!

Стоило столько времени копить гнев, ломать комедию — и выдать вот такое «наказание»?

<http://bllate.org/book/21607/2228563>